

умираеть,—людямъ, вѣрящимъ въ это, путь хри-
стіанской борьбы съ несовершенствами міра (т.-е.
недѣланіе, неучастіе и добровольное перенесеніе
страданій за это) представляется единственно
истиннымъ и радостнымъ.

Приписка Льва Николаевича:

«Сейчасъ перечель письмо это къ вамъ Булгакова и отъ всей души подтверждаю то, что въ немъ сказано. Братскій привѣтъ вамъ и всему кружку вашихъ друзей. Левъ Толстой».

3.

Да, въ васъ крѣпка увѣренность въ необходимости насилия,—такъ же крѣпка, какъ въ нась—увѣренность въ томъ, что только взаимная любовь можетъ улучшить и сдѣлать болѣе справедливыми, человѣческими, отношенія людей. Все ваше міросозерцаніе такъ прониклось этой увѣренностью въ необходимости насилия, что уже трудно намъ съ вами въ чѣмъ-нибудь сойтись. То, что въ своемъ письмѣ вы выставляете чѣмъ-то совершенно нелѣпымъ и невозможнымъ,—то для нась самое задушевное убѣжденіе, святая истина (но не слѣпое убѣжденіе и не на вѣру только признанная истина).

Не найдете ли, однако, вы противорѣчія въ слѣ-
дующихъ вашихъ словахъ: если человѣкъ не будеть брать ружье, то его заставятъ, засадятъ, запрутъ, онъ будетъ страдать; это должно возму-
щать, потому что,—какъ вы говорите,—нельзя не протестовать, если какой-нибудь холуй оскорбитъ тебя.—Какой холуй?—спрошу я васъ. И кто изъ людей, изъ нась холуй, а кто—не холуй? Вѣдь